

© 2000 г.

Ю. Пахомов,
академик НАН Украины,
директор Института мировой экономики
и международных отношений НАН Украины

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ, СОЦИАЛЬНОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ АСПЕКТАХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Неудачи рыночных реформ в Украине как и в России побуждают осмысливать природу произошедшего не только в узком, экономическом, но и в широком социальном контексте. Причины неудач все последние годы искали в их экономическом содержании. И это очевидно. Но фактически эти причины глубже и сложнее. Это становится еще очевиднее, если учесть опыт реформ в азиатских странах, а также растерянность поучающего нас Запада в лице Всемирного банка, МВФ, ученых с мировым именем, которые видят, что привычные рецепты не помогают.

Вместе с тем все больше вырисовываются контуры более эффективных реформаторских подходов. Они существенно отличаются от того, что делалось в прошлые годы.

Во-первых, преодолевается приверженность к одной модели – модели Вашингтонского консенсуса, и вместо этого намечается подход с позиций реформаторского синтеза. Речь идет о методологии комбинирования различных подходов – институционального, неолиберального, неокейнсианского и других.

Во-вторых, само комбинирование различных моделей видится как многовариантное, учитывающее специфику страны, региона и т. д.

В-третьих, предполагается усиление роли государства, поскольку, особенно в переходных экономиках, без этого выявляется системный вакуум, отсутствие регулирования провоцирует разруху, коррупцию и подмену государственной власти клановым правлением.

В-четвертых, резким поворотам и “шоковой терапии” все более предпочитают не только постепенность, но и строгую последовательность. Так, признается неэффективной приватизация, проводимая до создания конкурентной среды; считается преждевременной открытость экономики до достижения определенного уровня экономического развития и т. д.

В-пятых, признается необходимым отойти от порочной практики использования крайне ограниченного набора реформаторских методов,

то есть практики, исходящей только из монетаризма и оставляющей за рамками рыночных трансформаций ряд важнейших сфер и процессов (стратегию развития, научно-технологический прогресс, микроэкономику и т. д.).

Негативные результаты практики проведения реформ в зауженном диапазоне и с усеченным инструментарием сполна ощутили постсоветские страны, в том числе Украина. Результатом такого подхода явилось образование не только институциональных “дыр” на важнейших для развития направлениях, но и “эффект домино”, когда какой-либо существенный пробел порождает целую цепочку провалов. Возьмем, к примеру, факт игнорирования в Украине стратегического регулирования, а значит, господство в стране сиюминутного коммерческого интереса. Этот пробел влечет за собой обострение многих проблем. Среди них – острая нехватка денег, а значит, – уменьшение потребительского спроса; блокирование кредитов (не только долгосрочных); “отпугивание” значительной части (особенно – не работающих на экспорт) потенциальных инвесторов. Далее, отсутствие регуляторов стратегического интереса подрывает развитие фундаментальных наук и высоких технологий, сдерживает создание многих видов инфраструктуры, лишает перспектив, а значит, суживает подготовку физиков, инженеров, конструкторов и других некоммерческих специалистов в высшей школе. Не случайными в такой ситуации оказываются и “прорехи” в организационной структуре экономики страны, а именно, отсутствие достаточно мощных финансово-промышленных групп, примитивное (ларьковое) состояние малого бизнеса. Последнее обстоятельство, в свою очередь, лишает страну среднего класса: он не развивается не только по причине налогового гнета и рэкета, но и из-за отсутствия в его составе технической и научной интеллигенции (дефицит научно-технологических фирм и т. д.).

Несложно представить себе, какую цепь изъятий и провалов тянет за собой характерная для нашей страны неполноценная, блокируемая, крайне зауженная конкуренция. Ее неразвитость и регулятивная неполноценность оборачиваются не только подрывом стимулов и возможностей организационного и технологического прогресса, не только упадком многих отраслей, но и невозможностью проведения приватизации, рассчитанной на получение экономического эффекта.

В настоящее время ситуация меняется. Она, в отличие от прошлого, благоприятна для преодоления отмеченных и других недостатков в ходе проведения реформ. В экономической составляющей процесса трансформации общества выявляются положительные перемены. На смену примитивному, сковывающему маневр монетаризму приходит **ориентация на широкий спектр источников успеха.**

Значительно хуже обстоит дело с социальной составляющей реформ, которая все еще рассматривается, во-первых, как что-то вторичное, производное от возможностей экономики; во-вторых, как рутинная сфера и набор рабочих инструментов и процедур, а не как проблема смыслов и системы ценностей, выступающих первичным двигателем трансформационных перемен; в-третьих (что смыкается с во-вторых), игнорируется проблема цивилизационной идентичности, вместо этого (особенно в Украине) наблюдается неоправданно преувеличенное внимание к проблеме европейской принадлежности. Но в Европу надо идти не посредством демагогии, а на основе успехов реальных реформ. А между тем, по мере вхождения в реформаторский тупик, одна за другой выявляются обостряющиеся социальные опасности, каждая из которых может столкнуть страну в цивилизационное гетто. Среди этих опасностей все четче обозначается социально-психологическая апатия – это худший показатель неприятия реформ. И это состояние – не столько последствие советского прошлого, сколько результат неудачных, деформировавших общество реформ.

Как в Украине, так и в России социально-психологическую апатию выдают за неподготовленность к реформам, что принято связывать с “совковостью”, т.е. с постсоветским наследием. На деле ссылки на “совковость”, принимаемые у нас в качестве аксиомы, несостоятельны. Это в большей мере миф, оправдывающий поражение реформаторов, помогающий свалить с больной головы на здоровую. Социологи и экономисты, проводившие исследование проблем восприятия рыночных реалий и перспектив в начале 90-х годов (автор – участник таких исследований), знают, что явление, называемое сейчас “совковостью” (т.е. негативное отношение к переменам) появилось лишь во второй половине 90-х. В начале же все было иначе: был рыночно-романтический энтузиазм, была восторженность от близящихся перспектив частнособственнического предпринимательства и даже готовность работать у частных по найму. Причем и у тех, кому за сорок, и даже за пятьдесят. Все это было не случайно. К позитивному восприятию рыночно-демократических перемен советских людей десятилетия готовили лучшие демократически настроенные публицисты и писатели. Они, а не партократы, начиная с послесталинских времен, все больше становились властителями дум не только интеллигенции, но и других слоев общества. К тому же затхлая атмосфера запрограммированности в сфере хозяйствования себя полностью изжила. Народ рвался к свободе, предпринимательству, мечтал о возможности расправить плечи, зажить по-новому. Уверен, что тяга к свободному предпринимательству, проявившаяся тогда в стране, превосходила то, что в этом отношении имеется на Западе; ведь там это –

привычная рутина, а в нашем случае – взлет надежд и вламывание в новую эпоху. В дальнейшем, по мере дискредитации реформы, первоначальный настрой сменился ее отторжением, непринятием. Нищета и безысходность делали свое дело. Не случайно дискредитировавшая себя компартия, имевшая в начале девяностых годов всего 2-3- процентную поддержку, впоследствии стала доминировать на политической арене. Именно это вторичное состояние не без лукавства было названо “совковостью”.

Все это имеет к перспективам реформ самое прямое отношение. В Украине принято считать, что успех усилий по выходу из кризиса определяется подбором экономического инструментария и принятием адекватных экономических решений. Даже такое явление, как спрос, коренящееся в социальной сфере, упорно игнорируется. И это при том, что в мире (со времен Ф. Рузвельта) накоплен громадный опыт опоры в трудных ситуациях именно на социально-психологические факторы, взятые в широком диапазоне. У нас же, по причине сложностей переходной экономики и ломки прежней системы, **потребность в опоре на социально-психологические факторы является особенно острой.**

Речь идет прежде всего о факторах и обстоятельствах, вызывающих сильный и устойчивый всплеск созидательной социальной энергии. Именно прорывы такого рода могут компенсировать и даже перекрывать нехватку и денежных средств, и совершенных институтов, и отлаженного антикризисного инструментария. Парадокс состоит в том, что **именно на сломе эпох, в переходных ситуациях, при всплеске потухших было надежд, народ оказывается способным на всепобеждающее созидательное действие.** На то, что странам благополучным недоступно.

Начнем с того, что в любой общественной системе имеются присущие ей регуляторы. Эти регуляторы не только обслуживают текущие нужды, но и рано или поздно вызывают к жизни перемены: малые или большие, позитивные или негативные. В странах Запада основными регуляторами, обеспечивающими и каждодневный жизненный результат (экономический и социальный), и эффект развития и обновления, являются рынок и демократия. Именно они (в отличие, скажем, от государства) обеспечивают “тонкую настройку” совокупности процессов (и интересов), включая и реакцию общества на накапливаемые деформации, и на отклонения от оптимума в ту или иную сторону. Вызовы и отклики, а с ними и маятники перемен срабатывают здесь быстро, не доводя обычно дело до стойких социальных противостояний, бунтов и революционных взрывов. Все это наглядно демонстрируют страны Западной Европы. Накапливающиеся в них негативные явления, связанные с (в общем-то позитивной) властью социал-демократов, с автоматически заданной

частотой вовремя исправно устраняются сменяющими их правыми. И – наоборот. В итоге действия этих корректирующих регуляторов жизнь в странах западных демократий течет как спокойный поток, несущий людям мирское благополучие.

Конечно, в каждой стране, а особенно в Соединенных Штатах, есть болезненные явления, не устранимые ни рыночно-демократическими, ни государственными регуляторами. Но это – другая тема. В целом же развитие общества протекает в пределах нормы, т.е. достаточно благополучно. Но вместе с тем, и каких-либо “чудес”, идущих от внезапного социально-энергетического всплеска, там не ожидается. Впрочем, это им и не нужно. Ведь опора западных стран на стабильно действующие (в том числе высокотехнологичные) факторы пока в конечном счете оказывается надежной. Однако те социальные эффекты, без которых обходятся страны благополучные, могут оказаться буквально спасительными в странах деградирующих. Но здесь, как правило, действуют совсем иные регуляторные механизмы. Они, с одной стороны, потенциально несут повышенные социальные опасности, но, с другой, при стечении благоприятных обстоятельств могут (“рассудку вопреки, наперекор стихиям”) обеспечить мощный рывок к прогрессу.

В странах, таких как Украина и Россия, регуляторы мягкой и быстрой коррекции традиционно отсутствуют. Сейчас – тоже. Доказать это довольно просто: у нас нет самих этих коррекций: ни рыночных, ни демократических. Налицо лишь вульгарные рыночно-демократические подделки, примитивные имитации. В таких условиях провалы и деформации, идущие от рынка, отчасти восполняет государство, вынужденное работать в режиме пожарника. Что же касается социальных недовольств, деструкций и напряженностей, то их разрешение на длительное время откладывается, и проблема приобретает характер **социально-деструктивного накопительства**. В общественно-научной литературе аксиомой выглядит утверждение, что надолго отложенный негативный эффект социальных деформаций оборачивается социальным взрывом. В общем, так и бывает, но не всегда. Власть в переходных экономиках в виде подарка от мирового прогресса оснащается мощными рычагами зомбирования, манипулирования сознанием, хорошо маскируемыми методами насилия. Все это глушит потенциал социального протеста даже тогда, когда бедствия народа становятся нестерпимыми. Это – случаи негативные. Но бывает и так, что в обществах переходного типа, лишенных корректирующих саморегуляторов, но сохранивших социальное здоровье, срабатывают иные, благотворные социально-психологические механизмы. Причем предпосылкой такого разворота событий может служить даже сам процесс длительного накопления отрицательного социаль-

ного эффекта. В позитивных случаях он, этот процесс, как бы подпитывает жажду перемен к лучшему, дает импульс консолидирующей энергии созидания. И страна, вчера еще распластавшаяся в беспомощности, страна, на которой все поставили крест, предстает перед миром как феникс, посрамляя успехами все расчеты недругов и пессимистов-прорицателей.

В качестве примера упомянем Китай и Вьетнам, представляющие этот феномен в наиболее чистом виде. Убежден, что успехи Польши, уступавшей по потенциальным возможностям хотя бы Чехии, тоже основаны главным образом на социально-психологическом подъеме, на протесте против не устраивающей народ судьбы, на нежелании и даже неспособности терпеть национальное унижение. Отметим, что от Польши, с учетом ее давних традиций и трагической истории, довольно трудно было ожидать того устойчивого всплеска энергии консолидации, который как раз и привел ее к успешному рыночному реформированию. Ведь в прошлом бедствия страны в наибольшей мере коренились в разобщенности, местечковом своеволии и анархии. И именно трагедии на этой почве затем стали оборачиваться позитивным эффектом, формируя в народе противоположный стереотип поведения.

В наше время новые, ранее отсутствовавшие возможности использования в реформах социально-психологических механизмов открылись в связи с **активизацией цивилизационных факторов**. Не так давно (несколько десятков лет назад) все цивилизации, за исключением западной, относились (по Тойнби) к числу потухших или затухающих. Ныне же цивилизационная слагаемая перемен зачастую является в судьбе народов решающей. Многие поразившие мир явления, необъяснимые с точки зрения привычной методологии, оказались понятными именно с позиций цивилизационных. Так, ничем другим, как системой ценностей конфуцианства, можно объяснить эффект экономического чуда в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии. То же самое можно сказать о Китае. По-своему, тоже неожиданно, в последние годы дала о себе знать в рыночно-цивилизационном аспекте Индия. Этими особенностями объясняется и устойчивость страны в ситуации мирового финансового кризиса. Реализуя свои цивилизационные возможности, Индия выделилась успешным освоением высоких технологий. Сказалась система ценностей индуизма и буддизма. Весьма экзотично, по части и успехов, и неудач, выглядит взаимодействие рынка с ценностями Ислама. Тут мы не случайно находим и явления стабильного успеха даже на рыночно-феодалной основе; и неудачи, связанные с противоборством восточных и западных ценностей.

Для стран с переходной экономикой, особенно для России и Украины, поучительны не только примеры сознательного использования в ходе

реформ фактора цивилизационной идентичности, но и эффекты от взаимодействия разных систем цивилизационных ценностей.

Станным на первый взгляд представляется стремление многих стран Ислама отгородиться даже от позитивного влияния Запада. Например, от эффекта экономического. Но оказывается, что вестернизация, в рамках которой полезное и вредное (вредное для Ислама) неразделимо, оказывается здесь все более неприемлемой, а то и непереносимой именно по мере углубления взаимодействия той или иной страны с Западом. Пример – Иран, и не только. Как гласит китайская пословица, “свежий воздух теряет ценность, если с ним в открытое окно залетают мухи”. С годами, даже при наличии экономического успеха, “мухи” чересчур заполняют пространство, и даже полезное отторгается. Здесь показательны маятниковые события в Иране и в ряде других стран Ислама. Иной характер, опять-таки в силу цивилизационной специфики, носит взаимодействие с Западом стран Востока, конкретнее – конфуцианского пояса. Для рынка оказалось здесь благотворным не само по себе конфуцианство и не сама по себе вестернизация, а именно их синтез и взаимодействие. Причем, как правило, на пути ненужных западных влияний здесь воздвигается незримая стена в виде непробиваемых цивилизационных ценностей, заведомого отторжения неприемлемого.

Зададимся вопросом, как, с какими последствиями действуют механизмы межцивилизационного взаимодействия в Украине? Как влияет у нас в стране вестернизация на потенциал и перспективы рыночного реформирования? Уклоняться от этой проблемы с помощью ссылки на то, что Украина – страна европейская, – малопродуктивно. Ибо западный опыт уникален и неповторим. Небезынтересным является и вопрос, связаны ли реформы в Украине с осознанием и выявлением нашей цивилизационной идентичности. Судя по всему, в России уже происходят сдвиги в направлении спонтанного движения в эту сторону. В социальном контексте набрало силу движение маятника перемен от национального унижения к надеждам на величие. Еще недавно, каких-то 5-6 лет назад, в стране сочувственно воспринималось известное выражение, согласно которому “патриотизм есть последнее пристанище негодяев”. Ныне ситуация иная, противоположная. Это отвечает чаяниям населения, содействует его консолидации. И не исключено, что начавшееся пробуждение национального достоинства даст импульс экономическому возрождению, которое, кстати, уже наметилось.

В Украине помехой для рыночного реформирования и для экономического роста является нищета, порождающая чувство безысходности. Считается, что в качестве консолидирующей достаточна идея суверенитета и благосостояния. Вероятнее всего этот подход – важный и обязатель-

ный – сам по себе для мощного социально-психологического эффекта недостаточен. И не только потому, что обещания хорошей жизни провалами рыночных реформ были дискредитированы. Реформаторами явно недооценивается факт многодесятилетнего пребывания народа в составе могучей державы, в которой причастность к ценностям модернизации, к приоритетным в мире позициям (пусть даже причастность во многом иллюзорная) лежала в основе мироощущения миллионов. Осколки таких ценностных ориентаций изживаются не просто, да и само изживание может восприниматься (даже при условии сытости) как деградация.

Возможности выведения народа из состояния апатии в немалой степени связаны и с поиском оптимальной модели рыночных трансформаций. И в данном случае важно определиться по части цивилизационной идентичности, а не только оценивать сами модели. Проблема нового выбора отличается от привычного подхода необходимостью соотнесения “примерочных” концептуальных комбинаций с цивилизационной спецификой. Для Украины, кроме прочего, важно по-деловому (а не с позиций идеологии) оценить факт внутренней этнической разнородности (от этого ведь деться некуда!). И проявить искусство (именно искусство!) превращения всех этнокультурных составляющих во взаимодополняющие источники наращивания успеха реформ. В Украине пока что этнокультурная разнородность воспринимается идеологами титульной нации как чуть ли не помеха прогрессу по причине доминирования русской культуры. Все это понятно. Но убежден, что моменты противостояния на этой почве лишь усугубляют и консервируют сложившееся положение, тормозят не только развитие культуры и духовное возрождение, но и процессы реформирования. При наличии же гибкой, доброжелательной и разумной политики можно всех, в том числе этнических русских, превратить или в сочувствующих, или в активных сторонников процессов украинизации. Фактор этнокультурной консолидации важен не только для высвобождения энергии реформ, но и для наиболее приемлемого комбинирования составляющих разных моделей. Украина, хотя она и отличается от России большей “европейскостью”, остается все же страной приграничной с Евразией, и имеющей (особенно в восточных областях) с ней много общего. И это обстоятельство, ничуть не препятствуя европейской ориентации¹, может оказаться благотворным именно в отношении потенциала реформаторского синтеза. Действительно, как страна с переходной экономикой, отставшая от большинства других, Украина крайне нуждается в усилении государственности и в системном институциональном формообразовании. А эти линии трансформаций

¹ Та же Европа серьезно (а не спекулятивно) воспримет Украину только как страну успешную.

полнее соответствуют менталитету нашего востока, т.е. поведенческим стереотипам “российского фактора”. В отличие от этого, Запад Украины – носитель либеральных начал, в том числе идей монетаризма, что в умеренных масштабах совершенно необходимо.

С необходимостью учета цивилизационных факторов смыкается нарастающая потребность учитывать при реформировании экономики обстоятельства и **тенденции глобализации**. Украина, в отличие от России, весьма слабо интегрирована в мирохозяйственные процессы, особенно в части инвестиций, рынка акций и инноваций. Это лишает ее многих возможностей, но одновременно создает и некоторые условия безопасности. Известно ведь, что ударные мировые волны спекулятивного капитала в условиях включенности страны в мировое хозяйство могут легко и быстро разрушить ее экономику. Правда, для этого страна должна стать коммерчески и инвестиционно привлекательной. Чего об Украине пока не скажешь.

На случай же достижения успеха в реформировании экономики, – а это автоматически усиливает интеграцию, – важно представлять себе и ожидающие нас глобальные опасности. Мировая кризисная ситуация 1997-1998 гг. дала свидетельства повышенной уязвимости даже весьма преуспевших стран, продвинувшихся вперед в последние годы по линии либерализации внутривостановых механизмов и усиления внешней открытости. Устояли под ударами кризиса страны, проявившие в этом отношении относительную сдержанность, прежде всего Китай и Индия.

В этих условиях страны Юго-Восточной Азии, наиболее пострадавшие от кризиса, а с ними Китай и Япония, предпринимают совместные меры, меняющие, по сути, глобальную мирохозяйственную конфигурацию и кладущие начало существенной коррекции вестернизаторской внешнеэкономической открытости. Каждой стране предстоит определиться, какой будет ее внешнеэкономическая политика, а также – в какой межстрановой союз ей входить, если наметившаяся тенденция получит развитие, а опасность глобальных финансовых потрясений усилится. Показательна в данном случае совокупность мер, принятых в ноябре 1999 г. в Маниле на саммите, проводимом по формуле “АСЕАН+3” (три – это Япония, Китай и Южная Корея). Представленная там схема азиатского регионализма предусматривает многое из того, что блокирует разрушительные акции ТНК, а значит, буйство мирового спекулятивного капитала. Среди таких мер: создание таможенного союза государств-членов АСЕАН+3, формирование регионального общего рынка, введение единой для соответствующих стран валюты и создание, в конечном счете, единой экономики. Показательно здесь и то, что даже Китай впервые согласился участвовать в многосторонней экономической интеграции.

Обозначившийся в данном случае аспект рыночно-институциональных трансформаций, рассчитанный на обеспечение безопасности, может показаться Украине чуждым. Однако глобальные опасности могут свалиться на Украину раньше, чем придут масштабные выгоды. Полагаться на свою (как в 1997-98 гг.) отгороженность вследствие слабости интеграционной составляющей и относительной (отсутствие фондового рынка и т. д.) изолированности все более непредусмотрительно. Куда в таком случае двигаться? На Запад? Но как быть, если мы этому Западу не подходим?

Наряду с пока что нарастающей необузданностью глобального спекулятивного капитала, с расширением его возможностей (особенно в случае очередного мирового кризиса) накрыть почти любую страну ударными волнами, дают себя знать и новые угрозы, опасные для слабых стран. При этом симптоматично, что речь идет о таком относительно новом явлении, как **асимметричность циклических процессов**. Уже финансовый кризис 97-98 гг. продемонстрировал скачкообразно растущий разрыв между неуязвимостью в мировых кризисных ситуациях ведущих стран Запада и уязвимостью незападного мира, включая преуспевающие страны (Япония, страны Юго-Восточной Азии). Пожалуй, впервые кризис, охвативший огромный планетарный страновой массив, стал не только не опасен, но и крайне выгоден для главной страны Западного мира – Соединенных Штатов. В последнее время факт усиления планетарной асимметричности и разнонаправленности экономических трендов на полюсах – США (Запад) и остальной мир, получает дополнительные подтверждения. В мире фиксируется растущая десинхронизация мирового цикла, вырастающая из глобализации и ускоренно формирующая такую архитектуру всемирной страновой стратификации, которая зиждется не только на традиционной неэквивалентности, но и на механизмах губительной инволюции, принципах экономического самопоедания и реализации западной теории “конченных стран”. Ясно, что в такой ситуации концептуальная беззаботность, в том числе в отношении глобализации, просто непростительна. Импульс выходу из затянувшегося кризиса в нашей (именно в нашей, украинской и российской, а не польской или чешской) ситуации может обеспечить и опора на **фактор справедливости**. Но этот принцип уже нужно освободить от наслоений прошлого и возродить на новой основе. Надо признать, что справедливость в последние 10-15 лет была осмеяна и отвергнута небеспричинно. В советские времена этот принцип был изрядно искажен и дискредитирован. И не только тем, что в жертву справедливости была принесена эффективность. Еще более ощутимым было попрание под девизом справедливости принципа свободы.

Победившая в ходе реформ свобода оттеснила принцип справедливости на задний план. И сам этот процесс казался поначалу по-своему справедливым. Но уже вскоре, в том числе из-за резкого нарушения баланса в

противоположную сторону, вскрылась ущербность произошедшего. Выявились не только масштабные явления несправедливости, но и неспособность общества именно по этим причинам достичь эффективности. Более того, растущая несправедливость чем дальше, тем больше оборачивалась и несвободой. Достаточно упомянуть о растущей скованности творческого потенциала ученых, конструкторов, инженеров, квалифицированных рабочих беспрецедентной нищетой. Нищетой, вызванной не в последнюю очередь несправедливым перераспределением национального богатства в пользу кучки богачей, возникших в одночасье. Ощутимые удары по свободе (а не только по эффективности) нанесены в ходе реформ и несправедливыми налогами, что в основном также есть следствие несправедливости передела национального богатства. В конечном же счете **сам потенциал реформ в России и Украине был блокирован механизмами несправедливой бедности.** Ведь именно потребительский спрос, сознательно (в ходе финансовой стабилизации) доведенный до крайне низкого уровня, явился главной преградой самого процесса рыночного реформирования. Казалось бы, на фоне произошедшего общество должно было перенести внимание в сторону справедливости, но теперь уже рыночно приемлемой, т.е. сбалансированной с эффективностью и свободой. Но ничего подобного, особенно в Украине, не происходит. Справедливость до сих пор в устах монетаристов-реформаторов (а ведь именно им вверена судьба реформ) есть лишь символ красной опасности и советской благоглупости.

А между тем среди мотивов прогресса и факторов прорывов в будущее справедливость всегда имела решающее значение. И роль ее отнюдь не сводилась к пружинам тех революций, чьи идеалы, согласно расхожему мнению, оказывались обманом и утопией. Во-первых, не все так однозначно было в революциях, и Франция не зря празднует взятие Бастилии в качестве главного праздника, не зря имеет своим гимном Марсельезу. Утверждалась в тех или иных аспектах и справедливость, которая распространялась по планете и плоды которой стали достоянием человечества. Во-вторых, ориентация на справедливость быстро приносила и реальные плоды отдельным народам, что особенно зримо проявлялось в великих трансформациях уходящего века. В судьбах того же рынка, во имя воцарения которого у нас справедливость попирается. Ведь спасительный для судеб капитализма на Западе эффект консолидации и социального партнерства достигнут был благодаря политике немыслимого ранее перераспределения богатства между трудом и капиталом в пользу труда. Эти перемены, давшие миру социально-рыночную экономику, положили также начало устойчивым и живительным мотивациям, в которых свобода, справедливость и эффективность прочно связаны воедино.

На иной основе, но тоже с ориентацией на увязку эффективности со справедливостью, проведены успешные реформы в Китае и во Вьетнаме, то есть в странах, где "дореформенная справедливость" выглядела еще карикатурнее, чем советская. И в которых изначально стартовый потенциал развития был намного ниже нашего.

С опорой не только на свободу (либерализацию), но и на справедливость проводили рыночные реформы продвинутые страны Западной (послевоенной) и Центрально-Восточной Европы. Так, Л. Эрхард, объясняя феномен экономического чуда в разрушенной войной Германии (ФРГ), в качестве решающего обстоятельства называл рост потребительского спроса за полтора года на 60%. Преуспевшие в современных реформах страны Центральной и Восточной Европы в свою очередь дали доказательства приемлемости дифференциации доходов населения лишь в умеренном диапазоне. В Польше, Чехии, Венгрии, Словакии и Словении среднедушевые доходы 10% самых богатых семей превосходят доходы 10% самых бедных лишь в 4,5-5,5 раза, что в несколько раз меньше соответствующих разрывов в Украине и России.

Кстати, оптимальное (сравнительно с нами) соотношение свободы и справедливости было достигнуто в этих странах не благодаря, а вопреки либерально-монетаристским рекомендациям, идущим от МВФ. Так, в Польше, в отличие от нас, одновременно с развитием малого и среднего бизнеса уже с первых лет усовершенствовался государственный сектор; применялся дозированный протекционизм, защищавший внутренний рынок; ставились преграды на пути свободного оттока из страны национального капитала, предпринимались неординарные (вопреки монетаристским рецептам) меры по насыщению экономики деньгами и расширению платежеспособного спроса населения. Что же касается неолиберальных рекомендаций, то их стремились применять лишь там, где это было уместно. Другие продвинутые страны ЦВЕ, как правило, поступали так же. Особенно остро проблема справедливости дает себя знать на глобальном уровне. За последние 50 лет для 80% развивающихся стран разрыв с развитыми странами увеличился. Если в 1960 г. соотношение доходов 20% богатых и 20% бедных стран составляло 30:1, то в 1990 г. – 60:1, а в 1999 г. – 90:1! Существенно и то, что прежняя (колониальная) экспансия, нацеленная на освоение территорий, сменилась перекачкой из бедных государств финансов и интеллекта, что и отбрасывает растущее число стран в разряд "конченных". А это не только провоцирует глобальные конфликты, но и ведет к нарушениям, грозящим гибелью человечества. В частности, к нехватке средств на утилизацию отходов, из-за чего биосфера Земли уже сейчас не успевает самоочищаться и вообще катастрофически теряет эту свою способность.

Как видим, в абсолют возведенная свобода оказалась, – по Д. Соросу, – столь же опасной для открытого общества, как и коммунизм. В сложившейся ситуации достижение эквивалентности в обмене богатых стран и остальной части мирового сообщества превратилось в буквальном смысле в императив выживания. То есть, перефразируя известное выражение, можно сказать, что "справедливость спасет мир". К тому же человечество располагает сейчас потенциалом, способным решить проблему бедности и бедствий в масштабе всей планеты. Важно лишь те **принципы справедливости (перераспределения в пользу бедных), которые высокоразвитые страны уже десятки лет реализуют внутри страны, суметь межстрановыми усилиями перенести на мировую арену.** Разумеется, существенно их трансформировав. С учетом неукротимой алчности ТНК и других форм глобального капитала, это кажется утопией. Но разве не утопией должно было показаться еще 70-80 лет назад то, что произошло в странах Запада, а именно, – вдруг обнаруженная "способность" капитала поделиться доходами с трудом? Жизнь опровергла казавшиеся неизблемыми высказывания К. Маркса о том, что капиталист не может поделиться с трудящимися прибылью в той степени, в какой не может сам себя поднять за волосы.

В Украине как стране, наиболее подверженной влиянию неолиберально-монетаристских концепций, отступления от принципа справедливости характеризуются не только глубиной, но и парадоксальностью. Последствия здесь не свелись к выходу поляризации доходов за допустимые рамки. Либеральное переусердствование вывело здесь на арену еще более уродливую, чем в СССР, "справедливость" квазисоветского образца. Имеется в виду многое, но прежде всего, уравниловка в оплате труда, которая и в бывшем Союзе считалась пороком. Что же касается рыночных мотиваций, то есть распределения в соответствии с добавленной стоимостью, то они загнаны в Украине в своеобразное гетто: под пресс налоговиков, силовиков и рэкетиров всех мастей. Сейчас для выхода из тупика требуется не меньше, а больше усилий и изобретательности, чем в начале пути, то есть десять лет назад. И конечно же, куда сложнее использовать для рыночного успеха фактор социальной справедливости. Преграды для нее – не только тотальная коррупция и нищета, не только чрезмерное расслоение на богатых и бедных, но и **искусственно создаваемые проблемы дефицита экономической свободы.** Той самой свободы, которая, казалось бы, по мере осуществления трансформации должна неуклонно нарастать. Острейшая нехватка экономической свободы приобрела в Украине практически тотальный характер. Тут и искусственное безденежье, и блокирование малого и среднего (лишенного "крыши") предпринимательства; и непроходимость для биз-

нес-потоков межотраслевых и внутриотраслевых (не только ведомственных) барьеров; и внешняя и внутренняя задолженность; и утрата обществом способности стратегического маневра; и препятствия, создаваемые новоявленными монополиями и бизнес-льготниками, и засилье армии паразитирующих посредников, и многое другое. Все перечисленное создает преграды на пути не только свободы, но и справедливости. И во всех этих случаях разрешение проблемы требует подходов, диктуемых как требованиями свободы, так и требованиями справедливости. Иное просто неэффективно, в том числе – и по критериям рыночным.

Догадываюсь, что упоминание в данном случае справедливости многим покажется натяжкой или же абстракцией. Всем понятно, к примеру, что ущемление свободы, ее блокирование есть подрыв эффективности, недобор товарной массы и доходов. Но не каждый понимает, что подрыв, а то и паралич свободного хозяйственного оборота вызывает еще большие потери (в том числе экономические) из-за возникновения чувства подавленности, бесполезности, ощущения несправедливости произошедшего, несправедливого жизнеустройства в стране.

И наоборот, опыт многих стран показал, что когда на общей волне реформаторского успеха происходит разблокирование доступа миллионов людей, отброшенных ранее на обочину, к хозяйственным артериям, происходит взрывное высвобождение внутренней энергии индивидов. И в этом случае дело не сведется к подкреплению усилий государства такой энергией. Оживление и подъем приобретают масштабы, превосходящие ожидаемые, благодаря мультипликационному эффекту. В украинской ситуации, доведенной до тупиковой, разблокирование рыночных регуляторов не может произойти лишь за счет простых и традиционных реформаторских акций. Наряду с этим, нужны акции неординарные. Возьмем для иллюстрации проблему насыщения экономики деньгами, которая в деле разблокирования свободы является центральной. Тем более для Украины, которая по этому показателю находится в провале (денежная масса – 15% от ВВП). Причем не только сравнительно с Великобританией, США, Китаем, (сто и более процентов) или с бывшим СССР (80%), но и с Польшей, Чехией и другими странами ЦВЕ. Попытки решить проблему полноценного насыщения экономики деньгами только с позиций справедливости оказывались для экономики губительными. Так, ничего хорошего не получалось, когда эмиссия проводилась с целью поддержки социальной сферы, или выплаты пенсий, или поддержки не по своей вине задолжавшего села. Инфляция выходила за рамки "дозволенного", сводила благие намерения на нет. Чтобы получить устойчивый эффект, надо искать оптимальное соотношение растущей денежной массы с динамикой ВВП. Но эта мера реалистична и проста лишь для эко-

номики, идущей в рост. Неинфляционному, живительному увеличению денежной массы в нашей экономике могут способствовать лишь более сложные подходы, прежде всего разблокирование хозяйственных процессов. Речь должна идти не только о таком снижении налогового бремени, которое не подорвало бы бюджет; не только о раскрепощении малого и среднего бизнеса и коммерциализации госсектора, но и о вовлечении в свободный оборот тех фактически действующих ресурсов, которые до сих пор (после многих лет реформ) исключены из рыночного оборота.

Но и это не все. В экономике типа украинской, кроме обычных, нужны и особо искусные способы монетизации, в частности, необходим неординарный монетарный маневр, основанный на верном угадывании подходящих моментов для эмиссии, девальвации и мягкой кредитной политики, таких моментов, когда ситуация позволяет это сделать без раскручивания инфляции. Примеры такого подхода в последние два года давала Россия. Достижение определенного баланса эмиссии и способности экономически освоить деньги обеспечивается своеобразной цикличностью. Сначала, скажем, экспорт и импортозамещение подкрепляются подготовленной (а не обвальная, как в Украине) девальвацией, затем под "добытую" таким путем товарную массу подводится эмиссия, потенциал которой дополнительно растет за счет оттеснения деньгами бартера, дедолларизации, контроля за валютными потоками.

Конечно, такие операции рискованны, по ходу их проведения легко сорвать "стоп-кран" опасной инфляции. Но в то же время если достигнут начальный успех, появляется шанс для достижения дальнейших успехов. По ходу маневра растет платежеспособный спрос и самофинансирование предприятий, а это уже естественные пусковые механизмы для дальнейшей, менее опасной монетизации. Именно на этой фазе, фазе наращивания динамики роста, появляется и возможность целенаправленно решать проблемы справедливости: активно преодолевать нищету, решать проблемы социальной сферы.

Пример с монетизацией как с маневром, выходящим за рамки "благополучного" либерализма, не может быть в украинской и российской экономиках чем-то исключительным. Видимо, вынужденно неординарными должны оказаться решения множества проблем регулирования экономики в Украине, как и России, странах, где – вопреки рыночной логике – преследование людьми своих целей вот уже десятки лет идет во вред стране и народу в целом. Причины настоятельной необходимости использования неординарных мер разные, и не только субъективные. Ведь мы получили к настоящему времени не только неведомое другим странам тяжелое постсоветское наследие, но и не укладывающиеся ни в какие рамки новое, квазирыночное (в чем-то неофеодальное) состояние.

Что же касается особой важности совмещения вектора свободы со справедливостью, то это определяется не только масштабом разрушения основ благополучия наших народов, но и особым, исторически сложившимся пиететом перед справедливостью. Справедливость – это ведь цивилизационный фактор и ресурс развития в особенности славянского мира, где нет той ярко выраженной рациональной мотивации, которая присуща Западу.

Нет сомнения, что люди, измученные не просто нищетой, но и тотальной несправедливостью, несправедливостью, отнюдь не сводимой к чрезмерной дифференциации доходов и потребления, окажутся особенно чутки к сигналам о возможности позитивных перемен. В таких ситуациях сам шанс обрести справедливое, значит, благополучное существование может стать мощным фактором не только выхода из кризиса, но и движения к процветанию, в том числе, и за счет успехов рынка. Во всяком случае должно быть ясно, что без реанимирования на практике похороненных за годы трансформаций высоких ценностей и, соответственно, социальных факторов преодоление вялотекущей стагнации уже (в отличие от первых лет) окажется невозможным. Впрочем, скорее всего, вступить на этот путь народам Украины (как и России) и на нынешнем этапе развития удастся не сразу. Ведь социальная ориентация экономики, обеспечивающая оптимальное сочетание свободы и справедливости, – это удел преуспевших экономик. На начальных же этапах трансформаций, даже успешных, либеральные подходы существенно преобладают, и от этого никуда не уйти. Но для наших народов даже малые шаги в направлении благополучия будут оцениваться как значительный прогресс в утверждении справедливости.
